

В городе А была лишь одна по-настоящему знаменитая достопримечательность — Гора Та.

Ежегодно сюда стекались миллионы людей, чтобы совершить восхождение, встретить рассвет или полюбоваться огнями ночного мегаполиса. Сама по себе гора была невысокой: петляя, серпантин вёл к парковке туристической зоны, откуда по тропе предстояло подниматься ещё три-четыре часа до самой вершины. Для студентов местных вузов вход был бесплатным.

Этой ночью Ли Жун спал крепко. Когда он проснулся, Цэнь Сяо ещё не разомкнул глаз. Небо за окном отливало серо-голубым, солнце даже не думало показываться.

Юноша бесшумно выбрался из постели, поправил одеяло Цэнь Сяо и, прежде чем выйти из комнаты, легонько поскрёб кончиками пальцев по его ладони. Переодевшись в походную одежду и захватив с собой запас воды и перекусов, он отправился на стадион. Чжан Чжаохэ уже ждал там — безупречно одетый и собранный.

Старик по-прежнему был в своём неизменном френче, разве что бамбуковая трость сменилась профессиональной трекинговой палкой. Впрочем, при ходьбе он едва ли в ней нуждался.

В выходные желающих покорить вершину всегда было в избытке, поэтому, чтобы не застрять в пробках, группа собралась к шести утра и вовремя тронулась в путь.

Войдя в автобус, Ли Жун хотел было пройти в конец салона, но Чжан Чжаохэ придержал его за руку.

— Садись со мной. Сзади укачивает.

Староста опустил взгляд на руку учителя, сжимавшую его запястье. Спорить он не стал: молча поставил рюкзак и сел рядом. Как лучший студент курса, он привык к особому отношению со стороны Чжана, поэтому одноклассники восприняли это без лишнего ропота.

Когда автобус тронулся, Ли Жун засмотрелся на проплывающий за окном пейзаж, но мгновение спустя старик задёрнул шторку.

— Спит, — проворчал он.

В шестом часу утра рассветные сумерки едва рассеялись — свет никак не мог «слепить», но парень был вынужден отвернуться от окна. Чжан Чжаохэ намеренно удерживал его внимание на себе, и оставалось лишь гадать, к чему он клонит.

В кармане завибрировал телефон.

Тот мельком глянул на экран — пришло сообщение от Цэнь Сяо:

[Позавтракай]

Три коротких слова заставили его невольно улыбнуться, но, подняв глаза, он наткнулся на внимательный взгляд учителя, направленный прямо в его телефон. Ли Жун тут же убрал улыбку и перевернул аппарат экраном вниз.

Старик с улыбкой покачал головой, словно находя его скрытность детской забавой, а спустя минуту спросил:

— Бывал раньше на Горе Та?

Он глубоко вздохнул, откинувшись на спинку кресла.

— Нет.

И это была правда. Прожив в городе А столько лет, он ни разу не посещал это место. На самом деле, до встречи с Цэнь Сяо он никогда не жаловал спорт, особенно прогулки в гору, которые так нещадно нагружают колени. Вместо того чтобы потеть в толпе туристов ради вида с вершины, он предпочитал заварить чашку кофе и провести весь вечер в тишине библиотеки.

Позже он начал тренироваться лишь для того, чтобы сократить разрыв в физической подготовке между собой и Цэнь Сяо.

Ли Жун всё ещё помнил, как после выпускного в прошлой жизни Цэнь Сяо притащил его домой и без малейших усилий перехватил его руки, прижав к постели спиной к себе. Два года спустя он уже мог выстоять против него несколько раундов в спарринге. И теперь, если любовник хотел его усмирить, ему самому неизбежно доставалось — то синяк, то ссадина.

Сейчас, оглядываясь назад, парень понимал: в его занятиях рукопашным боем прослеживалось влияние Цэнь Сяо. Тот раз за разом провоцировал его, проверяя результаты тренировок.

Вот только ни один из них не ожидал, что в конечном счёте враг пустит в ход яд.

Чжан Чжаохэ на мгновение задумался, прищурившись, и с оттенком меланхолии проговорил:

— Я тоже давно здесь не был. Последний раз поднимался больше десяти лет назад... с группой единомышленников.

Собеседник бросил на него косой взгляд и сухо заметил:

— Гора Та невысокая, да и виды здесь не такие уж выдающиеся, как их расписывают.

— Верно, — Чжан Чжаохэ усмехнулся. — К тому же там полно деревьев, которые закрывают весь обзор. Лишь в паре мест можно увидеть город. Но важен не вид, а сам путь, пройденный плечом к плечу с теми, кто разделяет твои идеалы.

Погрузившись в воспоминания, старик невольно выпрямился. Его взгляд затуманился, устремляясь куда-то вдаль, а на лице проступило выражение светлой тоски. Студент заметил, что на его груди по-прежнему приколотая старая перьевая ручка.

Покорение вершин вместе с соратниками едва ли вязалось с образом человека, уставшего от жизни и лишившегося амбиций. Впрочем, Ли Жун давно перестал считать этого человека простым обывателем.

Старик хотел добавить что-то ещё, но в автобусе поднялся невообразимый шум: кто-то завтракал, кто-то спорил, кто-то резался в карты. Весёлый гомон заполнил тесный салон. Учитель, никогда не пользовавшийся у студентов особым авторитетом, несколько раз порывался призвать всех к тишине, но в итоге лишь махнул рукой и вздохнул. Он понимал: спокойствие продлится недолго.

Спустя два часа пути и двадцать минут стояния в пробке автобус наконец припарковался. Студенты, разминая затекшие спины, лениво потянулись к выходу.

Чжан Чжаохэ, опираясь на свою палку, приподнялся на цыпочках, стараясь казаться выше в толпе.

— Ребята, держитесь группами! Мы все должны подняться на вершину. Там мы сделаем общее фото на память. В будущем оно станет одним из ваших самых тёплых воспоминаний.

Его никто не слушал. Студенты уже разбились на компании друзей и потянулись к началу тропы. Чжан Чжаохэ, оставшись на месте, охрип от крика, пока рядом с ним не остался один лишь Ли Жун.

Старик вздохнул, достал из сумки термос и сделал глоток.

— Стар я стал. Стоит пару раз крикнуть, и голова кругом.

Ли Жун, у которого в группе не было близких друзей, тоже остался один.

Он негромко хмыкнул:

— Разве? А мне кажется, вы в отличной форме.

Учитель, словно не заметив подтекста, поднял глаза к вершине.

— На то воля небес, — протянул он.

«Воля небес?»

В этом мире от человека зависит слишком мало. Превратности судьбы непредсказуемы, и порой кажется, что долголетие — это и впрямь лишь подарок свыше. Юноша вспомнил своих родителей, и на сердце у него стало тяжело.

Вдруг Чжан Чжаохэ положил свою морщинистую руку ему на плечо.

— Пойдём. Не заставляй остальных ждать.

Только начав восхождение, он понял, насколько учитель поскромничал — и насколько он переоценил физическую форму современных студентов. Если бы Ли Жун вовремя не начал восстановительные тренировки под руководством Тан Хэ, он вряд ли угнал бы за стариком.

Чжан Чжаохэ утверждал, что не был здесь десять лет, но маршрут он знал безупречно. Парню оставалось только следовать за ним, и вскоре они обогнали всех одноклассников. Слушая их тяжёлое сопение и глядя на уверенную походку учителя, юноша окончательно убедился: этот человек куда глубже и опаснее, чем кажется.

Благодаря профессиональным наставлениям Тан Хэ, который не давал ему спуска, Ли Жун держал темп, не выказывая слабости. Но когда спустя два с половиной часа они достигли вершины, тело всё же отозвалось ноющей болью. Впрочем, вполне терпимой.

Опершись на камень высотой в полчеловека, парень жадно вдыхал свежий воздух. Достав телефон, он сделал снимок открывающегося внизу вида. Гору окутывал тонкий туман, и фото вышло не самым чётким, но он всё равно отправил его Цэнь Сяо.

[Цэнь Сяо: Вид с горы отличный]

[Ли Жун: Красиво, спору нет. Но в ближайшие пару дней я не смогу составить тебе компанию в постели — мышцы просто отваливаются]

[Цэнь Сяо: Приедешь домой — я сделаю тебе массаж]

[Ли Жун: Ловлю на слове]

Ли Жун прищурился, в уголках его глаз заиграла улыбка.

«Именно этого ответа я и ждал»

Спустя полчаса отдыха усталость немного отступила. Как раз в это время на вершину поднялись первые однокурсники и, совершенно измотанные, рухнули на скамьи в беседке. Чжан Чжаохэ тоже перевёл дух и медленно подошёл к юноше.

— Ну как тебе пейзаж после такого подъёма?

Ли Жун как раз выбирал ракурс для нового кадра. Услышав голос учителя, он замер и небрежно бросил:

— Вполне неплохо.

Чжан Чжаохэ посмотрел вниз — туда, куда был направлен объектив телефона. Перед ними раскинулось извилистое русло реки, частокол небоскрёбов и переплетения скоростных магистралей.

— Город внизу сильно изменился, — тихо проговорил он. — Раньше... раньше не было этих эстакад и стольких высоток. А река казалась изумрудно-зелёной. В последние годы её почистили, водорослей стало меньше. Гляди вон туда — то оранжевое здание стоит здесь давно. Это здание «Хундин». Когда-то оно было невероятно процветающим торговым центром, а теперь пришло в упадок. Говорят, скоро его снесут. Отсюда даже виден Университет А... Его библиотека... Какая же она высокая. Подумать только, в те времена умудрились построить шесть этажей. Подлатали, подкрасили — и вот уже символ города.

Старик вполголоса перечислял детали города, словно каждая улица была выжжена в его памяти. Он мог начать с любой точки, до которой дотягивался взгляд, и рассказать историю её трансформации. Парень впервые видел его таким — не скрывающим глубокую привязанность.

Чжан Чжаохэ тосковал по городу десятилетней давности. Его взор словно пронзал время, возвращаясь в те годы, когда он сам был полон сил. Память надевает на прошлое золотистый фильтр: даже те виды, что не были прекрасны, со временем становятся сладкими.

У Ли Жуна не было никаких иллюзий насчёт прошлого. С тех пор как он начал себя осознавать, этот город уже был лесом из бетона и стекла.

— Не были здесь десять лет, а помните всё до мелочей.

Чжан Чжаохэ перестал всматриваться в даль и повернулся к Ли Жуну. Его взгляд стал пронзительным.

— Память человека не безгранична. Мы копим новые воспоминания, неизбежно погребая под ними старые. Но есть вещи настолько важные, что они не стираются никогда. Они остаются,

чтобы напоминать тебе, кто ты есть. Это твоя опора, фундамент твоей личности.

— Вот как, — юноша едва заметно усмехнулся, пропустив его слова мимо ушей.

Но на вершине горы учителя словно прорвало. Он продолжал говорить без умолку:

— Внизу всё изменилось, а здесь, наверху — почти ничего. Я шёл по тропе и видел те же камни, что и десять лет назад. Видишь тот дворик? Там мы с друзьями фотографировались у каменной плиты «Гора Та». Прошло больше десяти лет, а дворик всё тот же, и плита на месте. Словно здесь время течёт медленнее.

Тот посмотрел в указанном направлении.

Тот аскетичный дворик был единственным строением на вершине. Он был открыт для всех и спроектирован в традиционном садовом стиле — идеальное место для фото. Рядом высилась каменная плита в человеческий рост с высеченными иероглифами «Гора Та». Камень был затиснут до блеска тысячами рук, но надпись оставалась чёткой.

Чжан Чжаохэ сделал два шага вперёд и сквозь поток спящих туристов уставился на плиту.

— Прошлое не вернуть...

Он негромко рассмеялся и покачал головой:

— Учитель, может, скажете прямо, что именно вы хотите мне сообщить?

Организовать поход, запретить прогул, требовать, чтобы он был рядом, тащить на вершину... Всё это делалось лишь для того, чтобы поставить его на то самое место, где старик стоял десять лет назад. Чтобы он увидел тот же пейзаж и проникся теми же чувствами.

Чжан Чжаохэ обернулся. Его дряблые веки слегка подрагивали, а в тёмных зрачках отражался силуэт собеседника.

— Мальчик мой, я знаю, как тебе тяжело. Как тебе больно. Я был близким другом твоего отца и, возможно, я — один из немногих людей в этом мире, кто способен по-настоящему тебя понять.

Парень вздрогнул. Он не ожидал, что Чжан Чжаохэ заговорит о его родителях.

Но старик ошибался. У него был Цэнь Сяо, были Линь Цинь и Цзянь Фу, Цзи Сяочуань и тётя Хуэй. У него были люди, способные разделить его ношу. За эти два года он не остался в

пустоте.

Учитель невольно коснулся пальцами старой ручки в нагрудном кармане. Его глаза заблестели, а седые волосы растрепал порывистый горный ветер.

— Каков этот мир? Те, кто причиняет боль, обычно растворяются в толпе, оставаясь безнаказанными. А тот, к кому судьба была несправлива, если он хочет добиться правды, должен быть образцом хладнокровия и сдержанности. Он должен терпеть и подавлять чувства. Он не может стать жалующейся старухой Сянлинь — люди лишь сочтут его нытьё утомительным и отвернутся. Он не может стать яростным Лу Чжишэнем — люди назовут его грубым и несносным.

— У «безупречного пострадавшего» должно быть идеально чистое прошлое, способное выдержать проверку тысяч придирчивых глаз. Стоит найти малейшее пятнышко, и твои страдания назовут заслуженными. Но и этого мало: ты обязан быть благопристойным, великодушным, мягким и покорным. В тебе должны видеть качества, достойные сочувствия. На грубые допросы ты должен отвечать терпеливо и вежливо, стирая все острые углы своего характера. И всё это время ты должен молчать, ждать момента, подстраиваться под обстоятельства и не слишком надеяться на успех.

— Видишь? Быть жертвой — невероятно тяжёлый труд. Это как идти по тонкому канату над пропастью, и лишь единицам удаётся дойти до конца. Такова человеческая природа.

Чжан Чжаохэ указал рукой на тропу, по которой они поднялись. Его пальцы дрожали на ветру.

— Посмотри на них. Это и есть та самая «толпа». Среди них прячутся твои обидчики, или же они сами — соучастники. Но именно их поддержку тебе приходится завоёвывать. Ирония в том, что именно их твой отец так отчаянно пытался спасти. Чем выше ты стоишь, тем мельче они кажутся.словно муравьи, способные лишь выполнять приказы и лишённые самостоятельного мышления. Стоит ли ради них склонять голову?

Ли Жун посмотрел вниз. Людской поток, копошащийся на извилистой тропе, и впрямь напоминал муравьиную тропу. Стоять на вершине, вдыхать чистый воздух и чувствовать на лице хлесткие удары ветра, глядя на мир свысока... Это было трудноописуемое чувство.

Он молчал. Ему нечего было возразить, ведь Чжан Чжаохэ говорил правду. Чтобы победить, юноша обязан был стать холодным, хитрым и подозрительным. Он должен был использовать любую силу — будь то Чжай Нин или Хэ Даюн. Он даже заставлял себя имитировать прощение, чтобы получить поддержку, а гнев и скорбь в это время переваривал в одиночку.

Он обязан был стать сильнее и мудрее всех, сжимая десятилетия обучения в короткие месяцы, чтобы не угодить в ловушку.

«Я словно был брошен в жернова гигантской машины, которая обтёсывала меня до идеального

состояния, безжалостно отсекая «лишние» эмоции, слабости и привязанности»

Судьба оставила ему лишь одну лазейку, где он мог дышать свободно — Цэнь Сяо.

Но Ли Жун знал: если бы его родители стояли сейчас здесь и слышали вопрос учителя, они бы ответили без колебаний: «Стоит».

Даже если спасать приходится таких «муравьёв», это того стоит. В их глазах ненависть никогда не могла затмить любовь. Они всё равно считали бы этих людей сплочёнными, добрыми и трудолюбивыми. Потому что вера в лучшее позволяла им мириться с кровавой реальностью.

Но Ли Жун не был своим отцом. И никогда не смог бы им стать.

Он ненавидел. Он затаил обиду.

Он видел груды костей под ногами «добродетели» и не мог этого забыть.

Чжан Чжаохэ взглянул на подрагивающие ресницы юноши и улыбнулся с горькой жалостью.

— Ещё тогда, на похоронах... едва я увидел тебя, я сразу понял: мы с тобой одной крови.

Старческий, хриплый голос вместе с ветром проник в уши. Эта улыбка, холодная, как лед, прошла его насквозь, заставив содрогнуться от внезапного озноба.

<http://bllate.org/book/15351/1570679>